Ната Рачевская

Невеста Лешего

Попаданка в опале

Наталья Рачевская

Невеста Лешего. Попаданка в опале

«Автор»
2026

Рачевская Н.

Невеста Лешего. Попаданка в опале / Н. Рачевская — «Автор», 2026

Вчера я была обычной студенткой-медиком, а сегодня очнулась босой на берегу ледяного лесного ручья — в грубой льняной рубахе, в чужом теле и на пятом месяце беременности.Вот только местные уверяют, что прежнюю хозяйку этого тела три недели назад связали и оставили в чаще в жертву Лешему. Никто не возвращался из проклятого леса живым. А я вернулась — да еще и с быстро растущим животом и странным золотистым знаком на запястье.Для суеверного села я теперь «лешачиха» и ведьма, которую нужно сжить со свету. Но они еще не знают, что связались с девушкой из XXI века. Я не собираюсь становиться чьей-то жертвой. Я выживу, сберегу малыша и докажу, что знания современной медицины сильнее любых дремучих суеверий.Вот только что делать с суровым княжеским воеводой Всеславом? Он приехал расследовать тайны проклятого леса, смотрит на меня как на опасную преступницу, но каждый раз закрывает широкой спиной от беды. И почему ребенок внутри меня так отчаянно тянется к его рукам?

© Рачевская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Наталья Рачевская
Невеста Лешего. Попаданка в опале

Глава 1

Холод впился в лодыжки раньше, чем вернулось сознание.

Я резко вдохнула, закашлялась и распахнула глаза, ожидая увидеть привычный потолок ночного клуба с мигающими неоновыми полосами, но вместо этого уперлась взглядом в колючие, темные лапы вековых елей. Они смыкались высоко над головой, словно свод древнего собора, пропуская лишь тонкие, бледные лучи утреннего солнца.

Воздух здесь был другим — густым, тяжелым, пахнущим прелой листвой, сырой землей, хвойной смолой и речной тиной. Никакого табачного дыма, сладкого парфюма и грохочущих басов. Только мерное, убаюкивающее журчание воды.

Я приподнялась на локтях и огляделась.

Сидела на влажной, покрытой скользким зеленым мхом гальке у самого края лесного ручья. Ледяная, кристально прозрачная вода весело перекатывалась через камни и омывала мои босые, исцарапанные в кровь ступни. На мне была лишь длинная, бесформенная рубаха из грубого, некрашеного льна. Она промокла насквозь, потяжелела и неприятно липла к телу, царапая кожу.

— Что за… — выдохнула я, и собственный голос показался мне чужим: чуть более низким, хриплым, с непривычной мягкой певучестью.

Память ударила внезапно, обжигающей волной.

Вчерашний вечер. День рождения однокурсницы в загородном коттедже. Громкая музыка, смех, блики стробоскопа на стенах. И Димка — парень, за которым я бегала полгода, как последняя дура. Помню его улыбку, слишком широкую, фальшивую. Помню высокий фужер с шампанским, который он протянул мне сам, наклонившись к самому уху: *«Выпей, Алин, расслабься. Ты сегодня какая-то зажатая, будто на экзамене. Давай за нас»*.

Я сделала всего пару глотков. Шампанское показалось странно горьковатым на послевкусие, но я списала это на дешевый брют. А через десять минут пол под ногами поплыл. Комната закружилась, звуки растянулись в тягучий, тошнотворный гул, сердце заколотилось так бешено, словно пыталось проломить грудную клетку, а потом провалилось куда-то в ледяную пустоту. Последнее, что я видела, прежде чем темнота поглотила меня — довольную ухмылку Димки, подхватившего меня под локоть, и шепот его дружка за спиной: *«Готова. Пошли наверх, пока не отрубилась совсем»*.

Меня затрясло — то ли от ледяной воды, то ли от запоздалого ужаса и омерзения. Ублюдок. Он просто подсыпал мне какую-то дрянь в бокал, чтобы отключить волю и затащить в постель! Мое сердце, и без того слабое с детства, не выдержало этой химии.

Я судорожно схватилась за грудь, проверяя пульс. Стучит. Ровно, сильно, мощно — так мое сердце не билось никогда.

И тут я посмотрела на свои руки.

Замерла, не в силах отвести взгляд. Это были не мои руки. У меня, девятнадцатилетней студентки медколледжа, были тонкие бледные пальцы с аккуратным маникюром и вечным следом от ручки на среднем пальце. А сейчас я смотрела на ладони в ссадинах, с обломанными, забитыми землей ногтями и тонкими белесыми шрамами на костяшках.

— Нет… — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает паника. — Это сон. Просто галлюцинация от того порошка. Сейчас меня откачают в скорой, и я проснусь.

Я с силой ущипнула себя за предплечье. Боль была острой, настоящей, отрезвляющей.

Дрожащими пальцами я дотронулась до лица. Скулы показались острее, нос — чуть вздернутым, а на плечо сползла тяжелая, мокрая, толстая коса светло-русого цвета. Мои волосы были темно-каштановыми и едва доходили до лопаток.

Я наклонилась к тихой заводи ручья, вглядываясь в темную зеркальную гладь. Из воды на меня смотрела незнакомая девушка. Ей тоже было лет восемнадцать-девятнадцать. Бледное, осунувшееся лицо, высокие скулы, пухлые, покусанные в кровь губы и огромные, широко распахнутые глаза странного цвета — серо-зеленые, словно лесной мох после дождя.

А когда я, пытаясь унять дрожь во всем теле, опустила ладони ниже, чтобы обхватить себя за плечи и хоть немного согреться, пальцы наткнулись на нечто совершенно невозможное.

Под мокрой, облепившей тело льняной тканью отчетливо выделялся плотный, тугой, округлый живот.

Я отшатнулась так резко, что поскользнулась на мокрых камнях и снова рухнула в ледяную воду, больно ударившись локтем. Но боли я почти не почувствовала. Все мое внимание было приковано к этому бугорку под рубахой.

Месяцев пять, не меньше, — сработала профессиональная привычка студентки-медика, даже в состоянии полного шока. Плотный, высоко поднятый…

И в ту же секунду, словно отвечая на мое прикосновение, внутри — прямо под моими похолодевшими ладонями — что-то плавно, но ощутимо толкнулось. По телу от живота вверх разлилась волна странного, живого, густого тепла. Ледяной озноб мгновенно отступил, словно меня укутали в горячее пуховое одеяло, а в ушах на миг зазвенел тихий, мелодичный перезвон, похожий на шепот листвы под порывом летнего ветра.

Я сидела в ручье, прижав обе руки к чужому беременному животу, и боялась дышать.

В голове, словно осколки разбитого зеркала, вдруг вспыхнули чужие воспоминания. Короткие, рваные, пропитанные животным ужасом.

Темная, безлунная ночь. Холодная шершавая кора старого дуба за спиной. Грубые пеньковые веревки, до крови врезающиеся в запястья. Факелы в руках людей, стоящих полукругом. Злые, перекошенные страхом лица. — Прости, Забава, — хриплый голос старика с седой бородой. — Не мы такие, время такое. Скот падет, зима лютая идет, Леший лютует. Ты сирота, безродная, за тебя некому заступиться. Примет лес плату — смилостивится… — Не надо! Я не виновата! Матушка, за что?! — отчаянный, срывающийся на визг крик, от которого рвалось горло. А потом факелы ушли. Осталась только непроглядная тьма чащи, треск веток под чьими-то тяжелыми, нечеловеческими шагами, два горящих зеленых огня в темноте и ледяной ужас, от которого остановилось сердце прежней хозяйки этого тела.

Я судорожно втянула воздух, приходя в себя от чужого кошмара.

Так вот оно что. Ее звали Забава. Ее принесли в жертву Лешему. Привязали к дереву в глубине проклятого леса и бросили умирать, чтобы задобрить лесного духа. И она умерла — от страха, холода или от того, что случилось потом. А мое сознание, вырванное из умирающего тела в XXI веке, затянуло сюда, в пустую оболочку.

Но почему она жива? Как она оказалась у ручья? И откуда этот ребенок?!

Я посмотрела на свои запястья. На бледной коже действительно виднелись багровые, ссаженные следы от веревок. Но поверх этих ссадин, на левом запястье, проступал странный тонкий узор — словно веточка папоротника или древесный лист, выжженный светло-золотистым светом прямо под кожей.

— Дурдом, — прошептала я вслух, заставляя себя подняться на ноги. — Полный, абсолютный дурдом. Либо я сошла с ума, либо попала в какую-то дикую, жестокую сказку. Но если я буду сидеть в ледяной воде, я точно сдохну от воспаления легких, не успев ни в чем разобраться.

Выбравшись на берег, я выжала подол тяжелой рубахи. Ступни горели от мелких порезов, тело било мелкой дрожью, но странное внутреннее тепло, исходящее от живота, не давало замерзнуть насмерть.

Нужно было идти к людям. Как бы ни было страшно возвращаться туда, где эту девушку предали и бросили в лесу, в чаще без еды, обуви и одежды я не протяну и суток. А я слишком сильно хотела жить. Димка не смог меня сломать там, и какой-то дремучий лес не сломает здесь.

Я осмотрелась. Ручей тек под уклон, а вдоль его берега угадывалась едва заметная звериная или человеческая тропинка. Вода всегда выводит к жилью.

Собрав волю в кулак, я шагнула на тропу, стараясь наступать на мягкий мох и опавшую хвою, чтобы не ранить изрезанные ноги еще сильнее. Лес вокруг казался огромным, древним и… живым. Но, как ни странно, страха он не вызывал. Напротив — стоило мне споткнуться о скрытый под листьями корень, как рядом сама собой склонилась гибкая ветка орешника, словно подставляя опору. А над головой то и дело перепархивали мелкие пичуги, будто провожая меня до самой опушки.

Шла я минут двадцать. Деревья начали редеть, сквозь стволы блеснуло открытое небо, потянуло дымком от печей, запахом навоза, прелого сена и свежего хлеба.

Я вышла из лесу и остановилась на пригорке.

Передо мной раскинулось большое село. Крепкие бревенчатые избы с резными наличниками и крытыми тесом или соломой крышами, плетни, огороды, с которых уже убрали урожай, покосившаяся деревянная церквушка на дальнем конце и высокий частокол, окружавший дворы. Вдоль широкой грязной улицы стояли телеги, бродили куры, лаяли собаки. Никаких проводов, ни единой машины, ни одного признака цивилизации. Глухое, дремучее средневековье.

У самого края села, недалеко от тропы, ведущей в лес, стоял бревенчатый колодец с длинным журавлем. Возле него топтались три бабы в длинных поневах, платках и грубых лаптях, с деревянными ведрами на коромыслах. О чем-то громко судачили, смеясь.

Я сделала глубокий вдох, расправила плечи, прикрыла ладонью заметно округлившийся живот и пошла вниз по тропинке прямо к колодцу.

Первой меня заметила высокая, костлявая баба в темно-синем платке. Она как раз тянула ведро из сруба, но, подняв глаза, замерла с открытым ртом. Деревянная бадья с глухим стуком сорвалась обратно в колодец, обдав всех брызгами.

— Свят, свят, свят… — выдохнула она, бледнея так, что на лице проступили веснушки.

Вторая, круглолицая и румяная, обернулась, проследила за ее взглядом и выронила коромысло прямо в грязь. Ведра с грохотом покатились по дороге.

— Забавка?! — взвизгнула третья, самая молодая, пятясь назад и судорожно тыча в меня дрожащим пальцем. — Да как же… Ее же три седмицы назад на Сухом дубу Лешему оставили! Мы сами видели!

Три седмицы. Три недели. За три недели живот не мог вырасти до пятого месяца. Но спорить и объяснять законы акушерства сейчас было бессмысленно.

Я остановилась в пяти шагах от них, чувствуя, как по спине бежит холодный пот, но стараясь держаться прямо и спокойно.

— Здравствуйте, — сказала я ровным, твердым голосом. — Воды дайте напиться. И до старосты проводите.

Тишина над околицей повисла такая, что слышно было, как каркает ворона на частоколе. Бабы смотрели на мою мокрую, рваную рубаху, на босые окровавленные ноги, но больше всего — на мой тугой, круглый живот, который невозможно было скрыть под тонким мокрым льном.

— В подоле… — просипела высокая баба, широко крестясь двумя перстами и отступая за сруб колодца, словно от чумной. — От нечистого принесла! Лешачиха! Вернулась душу нашу губить!

И в ту же секунду она набрала полную грудь воздуха и заорала так, что заложило уши:

— Лю-у-уди-и! Православные! Беда! Ведьма из леса вернулась! Жертва Лешего живая пришла, да с брюхом! Вязать ее, пока село не погубила!

Крик эхом прокатился по улице. Скрипнули калитки, залаяли псы, из изб начали выскакивать мужики с вилами и топорами.

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри снова вспыхнуло горячее, защитное тепло, а на запястье под тонкой кожей едва заметно засветился золотистый лесной знак.

Ну что ж, добро пожаловать в новый мир, Алина. Легко здесь точно не будет.

Глава 2

Вопль бабы у колодца подействовал на сонное село как удар набата. Не прошло и двух минут, как широкая улица наполнилась народом. Из дворов выбегали перепуганные женщины, следом спешили мужики — кто с топором за поясом, кто с вилами наперевес, а кто и вовсе схватил первое, что попалось под руку: оглоблю или тяжелый дубовый кол.

Я стояла посреди грязной дороги, в мокрой льняной рубахе, с босыми, исцарапанными ногами, и чувствовала себя загнанным зверем, на которого со всех сторон спустили свору. Сердце колотилось о ребра, но я заставила себя не пятиться и не опускать глаз. В XXI веке меня учили, что паника убивает быстрее болезни. А судя по перекошенным от суеверного ужаса лицам этих людей, любая моя слабость сейчас станет приговором.

— Гляньте на нее! — надрывалась та самая костлявая баба, тыча в меня кривым пальцем. — Из самой чащи вышла! Живая! А брюхо-то, брюхо! Три седмицы прошло, как ее на Сухой дуб отвели, а она уже на сносях! От Лешего понесла, поганая!

— Верно глаголет Агафья! — подхватил рыжебородый мужик в засаленном зипуне, перехватывая вилы поудобнее. — Не принял лес жертву, назад выплюнул! Теперь жди беды — весь скот перемрет, и нас следом погубит!

Толпа сжимала кольцо. От людей пахло потом, кислым овчинным тулупом, печным дымом и тем самым слепым, звериным страхом, который в темные века толкал толпу жечь ведьм на кострах.

— Посторонись! Дорогу старосте! — раздался зычный, властный окрик, и люди расступились.

Вперед вышел кряжистый старик в богатом, расшитом по вороту кафтане, подпоясанном широким ремнем с медными бляхами. Густая седая борода доходила ему до середины груди, а из-под кустистых бровей сверкали цепкие, жесткие глаза. Я узнала его мгновенно — вспыхнуло воспоминание Забавы. Это был Мирон, местный староста. Именно его хриплый голос звучал в той страшной ночи у дуба.

А следом за старостой из толпы вынырнули две женщины. Одна — полная, краснолицая, с поджатыми губами и тяжелым, злым взглядом. Вторая — девица моих лет, пышногрудая, румяная, в яркой вышитой рубахе и с дорогой лентой в толстой темной косе. Обе смотрели на меня так, словно увидели выползшую из могилы покойницу.

Мачеха Василиса и сводная сестра Марфа, — услужливо подсказала память тела, отозвавшись глухой, привычной болью в груди. Прежняя Забава боялась их до дрожи.

— Забавка… — выдохнул староста Мирон, и его тяжелое лицо на миг побледнело, но он быстро взял себя в руки, нахмурившись еще суровее. — Как ты смела вернуться, отродье? Тебя лесу отдали, чтоб село от лиха спасти!

— А меня лес не просил вас спасать, — ответила я громко, стараясь, чтобы голос звучал твердо и отчетливо, без единой дрожащей нотки. — Вы сами меня связали и в чащу уволокли, как скотину на убой. Как на духу перед Богом не побоялись душу губить?

По толпе прокатился недовольный ропот. Несколько баб перекрестились, отводя глаза, но мачеха Василиса тут же шагнула вперед, уперев руки в бока.

— Да как у тебя язык поворачивается, змея подколодная! — взвизгнула она так пронзительно, что заложило уши. — Я тебя, сироту безродную, с малых лет кормила-поила, куском хлеба делилась! А ты чем отплатила? С нечистым спуталась! Гляньте, люди добрые, на ее позор! Нагуляла от лесного беса, а теперь явилась в село порчу наводить!

— Врешь ты все, матушка, — спокойно парировала я, глядя ей прямо в глаза. — Не с кем мне было путаться. Я из дома шагу без твоей указки не ступала, от рассвета до заката

спину гнула, пока Марфа на перинах бока отлеживала. А в лес меня староста с мужиками увел. Связанную! И к дубу прикрутил!

Лицо Мирона налилось темной, свекольной краской. Мои слова били точно в цель — одно дело тихо сбагрить бесправную сироту ночью в чащу, и совсем другое, когда она стоит посреди села при честном народе и в открытую тычет носом в их преступление.

— Молчать, ведьма! — рявкнул староста, багровея. — Нечистый тебе разум помутил и язык развязал! Видно же, что не человек ты боле! Раз Леший тебя не сгубил, а семенем своим одарил — значит, быть тебе его прислужницей! Мужики, берите ее! В овраг ее, за околицу, да камнями забить, чтоб и духу поганого не осталось, а тело сжечь на осине!

У меня похолодело внутри. Эти люди не шутили. Они действительно готовы были растерзать меня здесь и сейчас, просто чтобы успокоить собственный страх и замести следы.

Рыжебородый мужик с вилами шагнул ко мне, занося острое железо. Бабы с визгом принялись шарить по земле в поисках булыжников. Я инстинктивно отступила на шаг, прикрывая живот руками. Внутри снова вспыхнуло то самое горячее, пульсирующее тепло, готовое вырваться наружу, но я не знала, что произойдет, если я отпущу эту силу.

— Стоять! — раздался вдруг голос, от которого, казалось, зазвенел воздух. — Первого, кто шагнет с оружием на безоружную девку, лично на кол посажу!

Толпа замерла как вкопанная. Мужик с вилами попятился, едва не выронив древко. Люди испуганно зашептались и поспешно расступились, освобождая проход со стороны княжеского подворья.

Оттуда тяжелым, уверенным шагом шел мужчина.

Он был выше любого из местных мужиков на добрую голову. Широкоплечий, статный, в темном суконном кафтане, перетянутом широким кожаным поясом с серебряными накладками, и высоких сапогах. На боку висел тяжелый меч в потертых ножнах. Темно-русые волосы, перехваченные на лбу тонким кожаным ремешком, падали на широкие плечи. Лицо у него было суровым, словно высеченным из камня: резкие скулы, упрямый подбородок, тонкий шрам, пересекающий левую бровь, и пронзительные серые глаза, холодные и острые, как сталь клинка.

За ним следом шли четверо рослых воинов в кольчугах и с копьями.

— Воевода Всеслав… — прошелестело в толпе.

Я перевела дыхание, не сводя глаз с незнакомца. От него веяло силой, властью и какой-то звериной, собранной опасностью. Такому не нужно кричать, чтобы ему подчинились.

Всеслав подошел ближе, окинул тяжелым, оценивающим взглядом перепуганную толпу, задержался на багровом лице старосты, а затем перевел глаза на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, мокрой рубахе, босым окровавленным ступням и остановился на округлом животе. В серых глазах мелькнуло удивление, мгновенно сменившееся холодной настороженностью.

— Что здесь творится, Мирон? — негромко спросил воевода, но в тишине его голос прозвучал подобно грому. — Я прибыл в Воронцово по княжескому указу разобраться, отчего в округе люди пропадают да зверь лютует. А у вас тут самосуд средь бела дня?

Староста мигом сбавил спесь, сгорбился и зачастил, кланяясь:

— Дык, боярин Всеслав, так ведь беда у нас! Нечисть это в человечьем обличье! Три седмицы назад эту девку, Забавку, в лесу потеряли — пошла по грибы да сгинула, думали, волки задрали. А нынче она из самой глухой чащи вышла! Живая, невредимая, да еще и на сносях! Сам посуди, свет-воевода, разве ж бывает такое, чтоб за три седмицы брюхо как на пятом месяце выросло? От Лешего она понесла! Ведьма!

— Врет он! — не выдержала я, шагнув вперед. — Ни за какими грибами я не ходила! Они сами меня связали и в лес унесли, чтобы Лешему в жертву принести! Посмотрите на мои руки!

Я вытянула вперед оба запястья, на которых багровели глубокие ссадины и следы от грубых веревок.

Всеслав нахмурился еще сильнее. Он сделал два шага ко мне и перехватил мое левое запястье. Пальцы у него оказались горячими, жесткими, в мозолях от меча и поводьев. От его прикосновения по коже пробежал странный, покалывающий разряд, а ребенок внутри меня вдруг толкнулся так сильно, что я едва сдержала тихий вскрик.

Воевода резко вскинул на меня глаза, но тут же снова опустил взгляд на мою руку.

Ссадины от веревок были видны ясно. Но прямо поверх них, словно проступая из глубины кожи, мягким, живым золотистым светом светился тонкий узор — сплетение лесных ветвей и листа папоротника.

Всеслав замер. Его пальцы едва заметно дрогнули, сжав мое запястье чуть крепче. На долю секунды в его холодных серых глазах вспыхнуло неподдельное потрясение — словно он узнал этот знак или слышал о нем в древних преданиях, которые рассказывали старые волхвы.

Староста и бабы, стоявшие поодаль, не могли разглядеть свечение на моей коже, но увидели, как замер грозный княжеский воевода.

— Видишь, боярин?! — заорала мачеха Василиса. — Нечистая она! Сгуби ее сейчас, пока беды не накликала!

Всеслав медленно разжал пальцы, но не отступил. Он повернулся к толпе, заслонив меня своим широким плечом, и обвел всех таким взглядом, что люди невольно попятились.

— Я здесь представляю волю Великого Князя, — отчеканил воевода. — И пока я в Воронцово, ни один волос не упадет с головы ни одного человека без моего суда и дознания. Опустят все оружие! Живо!

Мужики побросали вилы и колья в грязь, опасливо косясь на дружинников.

— А с тобой, староста, — холодно добавил Всеслав, буравя Мирона взглядом, — у нас будет отдельный разговор. Про жертвы лесные и про то, как в княжеских землях сиротами распоряжаются.

Я стояла за спиной этого сурового, опасного незнакомца, чувствовала тепло его широких плеч и понимала: на сегодня я спасена. Но по тому, как напряженно и жестко Всеслав смотрел на меня через плечо, было ясно — для него я не бедная жертва, а главная подозреваемая и самая опасная загадка этого проклятого места.

Глава 3

Тишина на площади звенела так, что слышалось, как потрескивают поленья в чьей-то печи за высоким частоколом. Люди стояли, втянув головы в плечи, и не смели поднять глаз на княжеского воеводу. Всеслав не кричал и не размахивал мечом, но от его высокой, собранной фигуры исходила такая тяжелая, давящая мощь, что даже грозный староста Мирон выглядел рядом с ним жалким, перепуганным стариком.

Я стояла чуть позади воеводы, все еще прижимая ладонь к круглому животу. Мокрая льняная рубаха противно липла к спине, босые ступни стыли на холодной, утоптанной земле, а в голове медленно укладывалась новая реальность. Это не сон. И этот мужчина в темном кафтане со шрамом через бровь — единственное, что сейчас отделяет меня от голодной, озлобленной толпы.

— Ну так что, Мирон? — негромко спросил Всеслав, буравя старосту ледяным серым взглядом. — Что делать с девкой будем?

Староста сглотнул, покосился на мачеху Василису, которая стояла, злобно поджав губы, и забормотал, кланяясь:

— Дык, боярин Всеслав, рассуди сам по справедливости. В село ее пускать нельзя. Народ боится. Бабы вон крестятся, как глянут на ее брюхо. Не ровен час, и впрямь мор пойдет аль скотина околеет. Да и мачеха ее, Василиса, в дом не примет — позор ведь на всю семью.

— Своя кровь не позор, а беда, — жестко отрезал воевода, но тут же нахмурился, бросив через плечо быстрый, изучающий взгляд на меня и мое запястье, где под кожей все еще теплился золотистый узор. — Однако в одном ты прав, староста. Пока я не выясню, какая сила ее из чащи вывела и отчего лес взбунтовался, в центре села ей не место. Где у вас жилье пустое на отшибе есть?

Староста оживился, словно ждал именно этого вопроса:

— Так за околицей, у самой кромки леса, стоит изба покойной бабки Агафьи-травницы! Она уж третий год как преставилась, родни у нее не было, вот халупа и пустует. Место глухое, люди туда ходить боятся — как раз для… для Забавки.

— На том и порешим, — кивнул Всеслав. — Отведете ее туда. И чтоб ни одна живая душа без моего ведома к той избе не приближалась. Кто сунется с камнем аль с вилами — ответит передо мной как за бунт против княжеской воли.

Он обернулся ко мне. Вблизи его лицо казалось еще более суровым — резкие, рубленые черты, упрямый рот, внимательные глаза, от которых невозможно было спрятаться.

— Слышала, девица? — спросил он тихо, так, чтобы слышала только я. — Ступай на край леса. Там целее будешь. А завтра поутру я приду. И расскажешь мне все без утайки — и про дуб, и про знак на руке, и про то, кто тебя в лесу одарил.

Я подняла подбородок, стараясь не выдать, как сильно дрожат колени.

— Мне скрывать нечего, воевода. А вот у старосты своего спросите, куда делось княжеское серебро, из-за которого меня в лес уволокли.

Я ляпнула это почти наугад — просто вспомнила обрывок ночного шепота из памяти Забавы, когда мужики вязали ее у дуба. И попала в десятку. Староста Мирон дернулся как от удара плетью, побелел так, что даже густая седая борода потемнела на фоне лица, а воевода Всеслав медленно, очень медленно повернул голову к старику.

— Любопытно, — процедил Всеслав сквозь зубы. — О серебре мы с тобой, Мирон, нынче же вечером поговорим. Добрыня!

Из-за спины воеводы выступил молодой, широкоплечий дружинник с открытым, добродушным лицом и светлой бородкой.

— Здесь я, воевода!

— Проводи девку до избы бабки Агафьи. Возьми у старосты тулуп старый, одеяло да хлеба с крупой на первое время. И проследи, чтоб никто по дороге не задел.

— Будет сделано!

Через полчаса я уже шагала по раскисшей тропе, ведущей прочь от села, к темной, зубчатой стене хвойного леса. На плечи мне накинули тяжелый, пахнущий овчиной и старым табаком тулуп, который великодушно выделил один из дружинников, а Добрыня нес под мышкой тощий узел с крупой, краюхой черствого хлеба и старым лоскутным одеялом.

Сельчане провожали меня молча, тяжелыми, полными суеверной злобы взглядами из-за плетней. Мачеха Василиса, стоя у своих ворот, плюнула мне вслед и злобно прошипела:

— Сдохнешь ты там, лешачиха! Не дотянешь до зимы, волки сожрут!

Я даже не обернулась. Внутри кипела холодная, злая решимость. Димка в моем мире думал, что я слабая тихоня, которую можно сломать парой глотков шампанского. Эти дикари думают, что я беспомощная сирота, которая покорно ляжет и умрет в развалившейся халупе. Ну уж нет. Я студентка-медик, я три сессии на одном кофе и упрямстве вытянула, а уж с какой-то избой и подавно справлюсь.

Изба бывшей травницы стояла на самой опушке, в сотне шагов от первых вековых елей. Выглядела она, честно говоря, удручающе. Покосившийся сруб из потемневших от времени бревен, просевшая крыша, поросшая толстым слоем зеленого мха, крошечное подслеповатое окошко, затянутое мутным бычьим пузырем вместо стекла, и покосившееся крыльцо без одной ступеньки.

Добрыня толкнул тяжелую, скрипнувшую на ржавых петлях дверь, заглянул внутрь и сочувственно почесал затылок.

— М-да… Не хоромы, конечно, Забава. Ну да ничего, крыша над головой есть, печь вроде целая. Дрова вон под навесом лежат, сухие еще с лета. Помочь тебе огонь развести?

— Была бы очень благодарна, Добрыня, — искренне ответила я, переступая порог.

Внутри пахло сыростью, мышами, пылью и почему-то горьковатым ароматом сушеной полыни и чабреца. Половину избы занимала огромная, побеленная когда-то, но теперь потрескавшаяся русская печь. В углу стоял грубо сколоченный стол, две лавки, вдоль стен тянулись деревянные полки, заставленные глиняными кринками, пучками почерневших трав и какими-то мешочками.

Пока Добрыня ловко управлялся с кресалом и растапливал печь, я осмотрела свое новое жилище. Глаз сразу цеплялся за детали, которые нужно исправить в первую очередь. Во-первых, вода — я заметила за избой старый колодец-журавль, но воду оттуда нужно обязательно кипятить, иначе в моем положении любая кишечная инфекция станет смертельной. Во-вторых, щели в стенах, откуда тянуло ледяным сквозняком — их придется заткнуть мхом или тряпьем. В-третьих, уборка и стирка.

В печи весело затрещали сухие поленья, по избе поплыло первое робкое тепло и запах березового дыма.

— Ну, вот и ладно, — Добрыня отряхнул руки и положил узел с едой на стол. — Воды я тебе ведро натаскал, вон у порога стоит. Засов на двери крепкий, дубовый. Ты на ночь запрись покрепче, в лес не ходи. Воевода человек строгий, но справедливый — в обиду не даст, коли сама беды не накличешь. Бывай, Забава.

Дружинник ушел, а я осталась одна в полумраке старой избы, освещенной лишь пляшущими отблесками огня из открытой заслонки печи.

Первым делом я задвинула тяжелый деревянный засов на двери. Затем скинула промокшую, колючую льняную рубаху, растерлась сухим краем старого одеяла и завернулась в теплый тулуп. Тело постепенно согревалось, но усталость навалилась такая, что подкашивались ноги. Сказывался и пережитый шок, и долгая дорога по лесу, и беременность, которая забирала кучу сил.

Я отломила кусок черствого ржаного хлеба, запила его холодной колодезной водой — желудок тут же благодарно заурчал. Ребенок внутри снова плавно шевельнулся, словно одобряя скромный ужин, и по телу привычно разлилась мягкая волна живого тепла.

— Ничего, малыш, — прошептала я, поглаживая тугой живот поверх грубой овчины. — Прорвемся. Завтра приберемся, травы разберем, печь прогреем. Не пропадем.

За мутным окошком стремительно сгущались сумерки. Лес за стеной избы погрузился в черную, непроглядную тьму. Я забралась на широкую лежанку у теплой печи, укрылась тулупом с головой и почти мгновенно провалилась в тяжелый, глубокий сон без сновидений.

Разбудил меня странный звук.

Я резко открыла глаза, не сразу сообразив, где нахожусь. В печи давно прогорели дрова, но кирпичи все еще отдавали приятное сухое тепло. В избе стояла кромешная тьма, лишь сквозь мутное окошко пробивался бледный, серебристый свет полной луны.

И снова этот звук — низкий, утробный рык, тяжелое дыхание совсем рядом с бревенчатой стеной и глухой стук лап о мерзлую землю.

У меня похолодело внутри. *Волки.* Мачеха словно накаркала.

Я бесшумно сползла с лежанки, кутаясь в тулуп, и на цыпочках подошла к маленькому оконцу. Сердце колотилось где-то в горле. Осторожно прильнув к мутному бычьему пузырю, в котором с краю была небольшая щель, я заглянула во двор.

И замерла, забыв, как дышать.

Залитая холодным лунным светом поляна перед избой не была пустой. Из темной стены ельника, бесшумно ступая по жухлой траве, выходили волки. Один, второй, третий… Десяток огромных, поджарых зверей с густой темно-серой шерстью, серебрящейся в лунном свете. Впереди шел матерый вожак — зверь размером с хорошего теленка, с широкой грудью и горящими, словно два зеленых угля, глазами.

Я инстинктивно отшатнулась от окна, лихорадочно оглядывая избу в поисках хоть какого-нибудь оружия — кочерги, ухвата, ножа. Ничего! Если они бросятся на дверь, мне конец!

Вожак подошел к самому крыльцу. Я затаила дыхание, ожидая яростного скрежета когтей о дерево и жуткого воя.

Но зверь не бросился на дверь. Он поднял тяжелую лобастую голову, посмотрел прямо на мое окошко — мне даже показалось, что наши взгляды встретились, — и в его зеленых глазах не было ни капли звериной злобы. Только спокойное, древнее признание.

А затем огромный волк тяжело опустился на деревянные ступени крыльца, положив морду на передние лапы прямо поперек моего порога. Остальные волки бесшумно рассыпались полукругом вокруг избы, ложась в траву мордами к лесу и селу.

Они не пришли меня сожрать. Они пришли меня охранять.

Я медленно сползла по стене на пол, прижимая ладонь к запястью, где под кожей ровным, теплым светом пульсировал золотой знак Хозяина Леса. Кажется, завтра у воеводы Всеслава появится ко мне еще больше вопросов.

Глава 4

Утро в лесной избе началось не с будильника, а с пронзительного холода, пробравшегося под старый тулуп, и звонкого птичьего гомона за стеной.

Я открыла глаза, сладко потянулась — и тут же поморщилась, ощутив непривычную тяжесть в пояснице и тугой, округлый живот, упирающийся в грубую овчину. Ночной визит волков вспомнился мгновенно, заставив сердце тревожно сжаться. Я сползла с остывшей лежанки, подошла к мутному окошку и заглянула в щель.

Поляна перед избой была пуста. Ни единого зверя, ни серой тени у крыльца — только утренняя роса серебрилась на жухлой траве да тонкий туман стелился между стволами вековых елей. *Может, мне это просто приснилось? Галлюцинация от усталости и страха?*

Я подошла к двери, отодвинула тяжелый дубовый засов и осторожно приоткрыла створку. В лицо ударил свежий, бодрящий воздух, пахнущий хвоей, осенней прелью и дымком из далекого села.

Я опустила взгляд на крыльцо — и замерла.

На влажной, прихваченной ночным морозцем земле у самых ступеней отчетливо отпечатались огромные волчьи лапы. С десяток следов, расположенных ровным полукругом вокруг избы. А прямо на нижней ступеньке, в сухой пыли, остался четкий отпечаток огромного зверя, пролежавшего здесь до самого рассвета.

Значит, не приснилось. Они действительно были здесь.

— Хорошо спится под охраной лесной стаи, девица? — раздался вдруг низкий, рокочущий голос совсем рядом.

Я вздрогнула и резко обернулась.

Из-за угла избы, бесшумно ступая по мягкому мху, вышел воевода Всеслав. Сегодня он был без кольчуги — в темном суконном кафтане с серебряными застежками, высоких кожаных сапогах и с неизменным тяжелым мечом на поясе. В руках он держал небольшой плетеный короб и вязанку толстых березовых поленьев.

Его пронзительные серые глаза скользнули по огромным волчьим следам у моих босых ног, затем поднялись к моему лицу — и в них застыло такое холодное, тяжелое подозрение, что у меня по спине пробежал холодок.

— Так не звала я их, боярин, — спокойно ответила я, сильнее запахивая на груди тулуп и стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Сами пришли ночью, у порога легли, а с рассветом ушли. Я и дверь не открывала.

Всеслав остановился в трех шагах, внимательно изучая меня. На утреннем свету его лицо казалось еще более резким и мужественным: густые темные брови сведены к переносице, тонкий шрам пересекает левую бровь, скулы обтянуты смуглой кожей, на подбородке пробивается темная щетина. От него пахло свежим ветром, кожей и холодным металлом.

— Волк — зверь лютый, — негромко произнес воевода, кивнув на следы. — Тем паче по осени, когда стаи сбиваются и на скот бросаются. А тут целый выводок пришел к избе, да не задрал никого, а караул нес, словно у княжьего терема. С чего бы такая милость, Забава?

— Спросите у волков, боярин. Или у леса, — парировала я, глядя ему прямо в глаза. — Вы же сами видели вчера на моей руке знак. Я не просила никого меня метить и в чащу не напрашивалась. Меня туда староста ваш с мужиками связанную уволок.

Всеслав прищурился, но спорить не стал. Он шагнул на крыльцо — пришлось посторониться, пропуская его в избу. В крошечном помещении его высокая, широкоплечая фигура сразу заняла, казалось, половину пространства.

Воевода опустил дрова у печи, поставил короб на стол и обернулся ко мне.

— Вчера на площади ты упомянула про княжеское серебро, — сказал он жестко, скрестив руки на широкой груди. — Откуда ты о нем знаешь? Простая сирота, которая со двора мачехи носа не казала, и вдруг ведает о казне, которую староста должен был отправить в город еще на Покров?

У меня внутри все похолодело. Вот оно. Начался настоящий допрос, и любое неосторожное слово сейчас может стоить мне доверия этого человека.

Я лихорадочно перебирала в голове обрывки воспоминаний прежней Забавы. Память тела была рваной, словно старая книга с вырванными страницами, но кое-что там все-таки осталось.

Темный сеновал. Забава, спрятавшаяся в углу с охапкой травы, чтобы не попасться на глаза пьяному зятю. И приглушенные голоса за тонкой дощатой перегородкой — старосты Мирона и мачехи Василисы. — Поделим пополам, кума, — хрипел Мирон. — Княжескому сборщику скажем, что разбойники на тракте обоз пограбили, а чтоб не доискался никто — девку твою, Забавку, в лес отведем. Скажем, Леший лютует, вот и пришлось жертву принести. Все спишут на нечистую силу!

Я перевела дыхание. Картина сложилась идеально! Никакой мистики — обычная человеческая жадность и подлость, прикрытая суеверием.

— Я в ту ночь на сеновале спала, — ровно произнесла я, глядя воеводе в глаза. — Мачеха меня из избы выгнала, чтоб под ногами не путалась. А туда староста пришел. С Василисой шептался. Говорил, что серебро княжеское они меж собой поделят, скажут, будто лихие люди на дороге напали. А чтоб концы в воду спрятать да народ запугать — решили меня в жертву Лешему отдать. Мол, беда в округе, вот лес и требует плату.

Всеслав молчал несколько долгих секунд, буравя меня взглядом так, словно пытался заглянуть в самую душу и проверить каждое слово на прочность.

— Значит, сговор, — тихо проговорил он, и в его голосе зазвучала опасная, ледяная сталь. — Хорош староста. И хорошо, что я вчера его на чистую воду вывел: прижал к стенке, так он в ногах валялся, во всем повинился, окромя тебя. Клялся, что девку в лес отвел от страха перед мором, а про серебро молчал, старый лис. Теперь все сходится.

Он замолчал, сделал шаг ближе ко мне, и его взгляд опустился на мой заметно округлившийся под тулупом живот.

— С серебром и старостой я разберусь по закону, — сказал Всеслав тише, но с еще большим нажимом. — А вот с тобой, Забава, все одно неясно. Пусть люди тебя в лес унесли. Пусть солгали про жертву. Но как ты за три седмицы понесла и брюхо такое нагуляла? И откуда на руке твоей Печать Хозяина Леса?

Я вздохнула, присаживаясь на край грубой деревянной лавки — стоять на босых ногах в холодном тулупе становилось тяжело.

— Я не помню, боярин, — честно сказала я, и в этом не было ни капли лжи. — Помню дуб, веревки, темноту. Помню, как сердце от ужаса остановилось. А потом… потом я очнулась у ручья. В одной рубахе, с этим знаком на руке и с ребенком под сердцем. Я сама не знаю, кто он и почему лес меня отпустил. Но я чувствую, что он живой, теплый и не желает никому зла.

Всеслав долго смотрел на меня. Напряжение в его широких плечах чуть спало. Видимо, он обладал тем редким чутьем воина и командира, которое безошибочно отличает ложь от правды. А я действительно не врала.

— Странно ты говоришь, девица, — задумчиво произнес он, присаживаясь на край стола напротив меня. — Раньше, сказывали бабы, ты и слова поперек боялась молвить, взгляд в пол прятала. А нынче смотришь прямо, держишься гордо, речь складная, будто в княжьих палатах росла.

Я едва заметно усмехнулась.

— Когда тебя свои же на верную смерть в лес уводят, боярин, поневоле характер меняется. Либо зубы покажешь, либо сожрут.

В серых глазах Всеслава вдруг мелькнуло что-то похожее на невольное уважение. Уголок его упрямого рта едва заметно дрогнул.

— Верно глаголишь, — кивнул он. — В нашем деле без зубов никак. Вот что, Забава. В коробе я принес тебе теплую рубаху, шерстяные чулки, башмаки на меху да припасов на неделю — муки, соли, сала и сушеных ягод. Это не милость, а плата за то, что помогла вывести вора на чистую воду. Живи здесь тихо, в чащу не ходи, с бабами в перебранки не вступай. Я через пару дней в город гонца отправлю, доложу князю обо всем. А пока я здесь — никто тебя не тронет.

Я посмотрела на плетеный короб, потом подняла глаза на воеводу. Впервые за эти бесконечные, безумные сутки у меня в груди стало чуточку легче. Пусть он суровый, опасный и все еще считает меня загадкой, но у него есть честь. Настоящая, мужская честь, которой так не хватало в моем прежнем мире.

— Спасибо, воевода, — тихо, но искренне сказала я. — За одежду и за защиту.

Всеслав уже поднялся, собираясь уходить, но вдруг замер у самой двери, настороженно прислушиваясь. С улицы, со стороны села, донесся пронзительный, полный животного ужаса женский визг. Крик резанул по ушам так, что зазвенело в висках. Следом послышался топот бегущих ног и отчаянный мужской вопль:

— Воевода! Боярин Всеслав! Беда-а-а! Сюда!

Всеслав мгновенно преобразился — из спокойного собеседника он в долю секунды превратился в хищника, готового к бою. Рука привычно легла на рукоять меча, он рванул дверь настежь и выскочил на крыльцо.

Я, забыв об осторожности и натянув тулуп поплотнее, выбежала следом за ним.

По тропинке от села, спотыкаясь и задыхаясь, бежал староста Мирон. Седая борода растрепалась, кафтан распахнут, лицо белее мела, а глаза вылезли из орбит от ужаса. Добежав до крыльца, старик рухнул прямо в грязь на колени перед воеводой и завопил, рвя на себе ворот рубахи:

— Помирает! Боярин, помирает Ванюшка мой! Последний сыночек! Задыхается, весь синий стал! Знахарка местная руками разводит, говорит — сглаз смертный или порча лесная!

Староста резко вскинул голову, уставившись на меня безумным, полным отчаяния и суеверного страха взглядом, и запричитал, ползя на коленях к ступеням:

— Ведьма… Забавка! Твоя это работа аль лешего твоего — не ведаю! Прости старого дурака! Ноги целовать буду, все серебро верну, только спаси мальца! Задыхается дите, вот-вот душу Богу отдаст!

Всеслав медленно повернул голову ко мне. В его серых глазах столкнулись тревога за ребенка и холодный, изучающий вопрос: *«Кто же ты на самом деле, девица? И на что способна?»*

А у меня в голове, перекрывая панику и крики старика, мгновенно включился холодный, четкий расчёт студента-медика. *Задыхается. Синий. Резкий приступ.* Если не успеть за десять минут — ребенок погибнет от удушья.

Глава 5

Времени на раздумья не было. Каждая секунда, потраченная на препирательства с перепуганным стариком, могла стоить мальчишке жизни.

— Веди! Бегом! — бросила я старосте, сбегая с крыльца прямо в овчинном тулупе и босиком.

Ноги тут же обожгло ледяной грязью, но я даже не обратила на это внимания. В голове стучала только одна мысль: *«Отек гортани или инородное тело. Если задыхается и синеет — счет идет на минуты».*

— Куда босиком по мерзлой земле?! — рявкнул сзади Всеслав.

Не успела я и шага сделать по тропинке, как сильные, железные руки подхватили меня за талию и легко, словно пушинку, подняли в воздух. Я вскрикнула от неожиданности, инстинктивно обхватив воеводу за шею, а он уже несся широкими, стремительными шагами в сторону села, едва поспевая за обезумевшим от страха Мироном.

— Я сама могу идти! — выдохнула я ему прямо в ухо, чувствуя, как бешено колотится сердце от близости этого огромного, горячего мужчины.

— Молчи и держись, лешачиха, — глухо ответил Всеслав, даже не сбив дыхания. — Ноги отморозишь — не дойдешь.

Через пару минут мы ворвались в богатый, просторный двор старосты. У крыльца толпились перепуганные сельчане. Увидев меня на руках у княжеского воеводы, бабы ахнули и шарахнулись в стороны, словно перед ними пронесли чумную.

— Прочь с дороги! Все вон со двора! — прогремел Всеслав, ногой распахивая тяжелую дверь избы.

Внутри стоял густой, удушливый пар, пахло ладаном, жжеными травами и страхом. На широкой деревянной лавке, застеленной расшитыми рушниками, метался мальчик лет шести. Рядом на коленях рыдала растрепанная женщина — видимо, мать, — а над ребенком суетилась сгорбленная, беззубая старуха в черном платке, окуривая его дымящимся пучком полыни и бормоча заговоры.

Всеслав осторожно опустил меня на пол у самой лавки. Я тут же сбросила тяжелый тулуп, оттолкнула в сторону ошалевшую старуху-знахарку и склонилась над ребенком.

— Дымом травите, дуры! — резко бросила я, мгновенно оценивая состояние мальчика. — Окна настежь! Все, кроме матери и воеводы, — вон из избы, воздух весь выдышали!

Никто не посмел ослушаться — то ли от властного тона, с которым я говорила, то ли от грозного вида Всеслава, застывшего у меня за спиной подобно каменному изваянию. Мужики и бабы попятились за порог, а кто-то из дружинников распахнул ставни, впуская в душную избу свежий, прохладный воздух.

Я осмотрела мальчика. Лицо отекшее, губы синюшные, ноздри раздуваются, при каждом вдохе слышен жуткий, свистящий хрип, а шея покрыта крупными красными пятнами.

Отек Квинке. Острая аллергическая реакция. Никакого колдовства и лесной порчи — классическая анафилаксия, от которой в Средневековье люди умирали за полчаса, списывая все на сглаз.

— Что он ел или пил перед тем, как задохнуться?! — резко спросила я у рыдающей матери, расстегивая ворот тесной льняной рубахи на шее мальчика, чтобы освободить доступ воздуха.

— Ничего, голубушка, ничего! — всхлипывала женщина, ломая руки. — Только меду свежего с орехами поел, что с ярмарки привезли, да квасом запил… А потом вдруг покраснел весь, горло схватил и хрипеть начал!

Орехи и мед. Сильнейший аллерген. У меня не было ни шприца, ни адреналина, ни преднизолона. Никаких лекарств XXI века. Только мои знания, смекалка и то, что есть в этой чертовой избе!

— Воевода! — крикнула я через плечо. — Снег есть в погребе или лед? Холод нужен, срочно! На шею!

Всеслав не стал задавать глупых вопросов. Он тут же кивнул своему дружиннику Добрыне, стоявшему в дверях:

— В ледник! Бегом!

Я повернулась к печи, где стояли глиняные горшки, и к полкам с травами. Нужен спазмолитик, мочегонное и что-то, что снимет отек слизистой. Вспомнились лекции по фармакогнозии: крапива, ромашка, корень солодки, крепкий отвар дубовой коры для полоскания, если сможет глотать, и горячая вода для ног — чтобы оттянуть кровь от головы и горла вниз!

— Хозяйка, не реви! — жестко приказала я матери. — Воды горячей из чугуна в лохань налей и разбавь холодной, чтобы терпеть можно было. Ноги ему туда опустим! А ты, старая, — я повернулась к оцепеневшей знахарке, — где у тебя крапива сушеная и череда? Живо!

Старуха затряслась, но засуетилась, вытаскивая из мешков пучки сухих трав.

Через минуту в избе закипела настоящая работа. Я действовала четко, слаженно, почти на автомате. Опустила ступни задыхающегося мальчика в таз с горячей водой, чтобы вызвать отток крови от верхней части тела. Когда ворвался запыхавшийся Добрыня с куском льда из погреба, я завернула лед в чистый холщовый рушник и приложила к шее и горлу ребенка — холод должен был сузить сосуды и притормозить нарастающий отек.

Но этого было мало. Мальчик все еще хрипел, глаза закатывались, пульс на запястье частил, словно крылья пойманной птицы.

Я залила кипятком горсть крапивы и ромашки, дала настояться пару минут, остудила холодной колодезной водой и, приподняв голову ребенка, по капле, с деревянной ложки, начала вливать ему теплый отвар в рот, следя, чтобы он не поперхнулся.

— Глотай, Ванюша, глотай, хороший мой… — шептала я, чувствуя, как по вискам течет холодный пот, а собственное сердце колотится так, будто я сама пробежала десять километров. — Дыши носом, медленно…

В избе стояла мертвая тишина. Староста Мирон стоял на коленях у порога, беззвучно шевеля губами в молитве. Мать зажала рот руками, боясь вздохнуть. А воевода Всеслав стоял рядом, не сводя с меня пристального, потрясенного взгляда. Он видел, что я не шепчу черных заговоров, не колю кукол и не призываю нечисть — я просто спасаю ребенка, действуя уверенно, быстро и пугающе разумно.

Прошло пять минут. Десять.

И вдруг жуткий, свистящий хрип в горле мальчика стал тише. Грудь поднялась глубже. Синева вокруг губ начала медленно отступать, сменяясь бледным румянцем. Ванюшка судорожно вздохнул, закашлялся, выплевывая остатки слизи, и открыл мутные, испуганные глаза.

— Мамка… — просипел он тихо и слабо.

Женщина с рыданием рухнула на колени, прижимаясь лицом к его руке. Староста Мирон завыл в голос, падая лбом в пол:

— Живой! Сыночек мой живой! Господи, милостивый!

Я выдохнула. Напряжение, державшее меня все эти минуты подобно натянутой струне, отпустило разом. И в ту же секунду меня накрыла чудовищная, свинцовая слабость. Сказались и бессонная ночь, и ледяная вода ручья, и пережитый стресс, и беременность, вытянувшая все последние соки.

В глазах резко потемнело. Пол под ногами качнулся и ушел куда-то в сторону. Я попыталась ухватиться за край стола, но пальцы соскользнули по гладкому дереву.

— Держу! — раздался рядом низкий голос Всеслава.

Сильные руки мгновенно подхватили меня, не дав упасть на деревянный пол. Я уткнулась лбом в его широкую, твердую грудь, пахнущую свежим ветром, кожей и дымом. Сил не осталось даже на то, чтобы поднять голову.

И именно в этот миг, когда все в избе замерли, глядя на нас, мой живот под тонкой льняной рубахой вдруг резко дернулся.

По телу прокатилась мощная, горячая волна, от которой зазвенело в ушах. Сквозь грубую ткань рубахи, прямо там, где прижималась широкая ладонь Всеслава, поддерживающего меня за талию, вспыхнул мягкий, но отчетливый изумрудно-золотой свет. Он озарил полумрак избы на пару секунд, заставив всех присутствующих ахнуть и отшатнуться, а затем погас, оставив после себя лишь ощущение удивительного, живого тепла.

И я провалилась в спасительную, тихую темноту на руках у сурового княжеского воеводы.

Глава 6

Сознание возвращалось медленно, словно сквозь толщу теплой, ленивой воды.

Первым, что я почувствовала, было сухое, обволакивающее тепло. Никакого промозглого сквозняка, никакой ледяной сырости от земляного пола. Я лежала на мягком сеннике, укрытая до самого подбородка тяжелым, но удивительно уютным овчинным тулупом. В воздухе пахло березовыми дровами, сушеной мятой и чем-то густым, наваристым — похожим на мясной бульон.

Я медленно открыла глаза.

В крошечной избе бабки Агафьи царил мягкий вечерний полумрак. За мутным окошком, затянутым бычьим пузырем, давно сгустились синие осенние сумерки, но внутри горела лучина, укрепленная в железном светце, и весело гудела протопленная печь, отбрасывая на бревенчатые стены теплые оранжевые блики.

А за грубым деревянным столом, подперев щеку кулаком, сидел воевода Всеслав.

Он снял тяжелый кафтан, оставшись в темной шерстяной рубахе с расстегнутым воротом, и в тусклом свете лучины выглядел не грозным княжеским наместником, а просто уставшим, очень красивым мужчиной. Темно-русые волосы растрепались, упав на широкий лоб и прикрыв тонкий шрам над бровью. Взгляд серых глаз был устремлен на огонь, а на резких скулах играли тени.

Я пошевелилась, устраиваясь поудобнее, и старая солома под спиной предательски зашуршала.

Всеслав мгновенно повернул голову. Его рука привычно дернулась к поясу, где лежал меч, но, увидев, что я открыла глаза, он замер, и суровые складки у его рта разгладились.

— Очнулась, — негромко произнес он, поднимаясь со скрипучей лавки. — А я уж думал, до утра проспишь. Как ты, Забава? Голова не кружится?

— Вроде нет, — ответила я, приподнимаясь на локтях. Голос звучал чуть хрипло, но в теле больше не было той свинцовой, выматывающей пустоты. — А что с Ванюшкой? С сыном старосты?

— Жив малец и здоров, — в голосе воеводы прозвучала сдержанная, но искренняя теплота. — К вечеру и отек сошел, и краснота спала. Спит сейчас, как сурок, а мать над ним свечку ставит да тебя поминает, будто святую. Староста Мирон чуть ли не на коленях сюда приполз, пока ты в беспамятстве лежала. Принес мешок муки, полтуши бараньей, масла, дров воз велел сгрузить под навес и еще целый узел бабьих одежек теплых. Сказал — в ноги кланяется и век должником будет.

Я невольно усмехнулась, откидываясь обратно на подушку, набитую сухими травами. Вот она, сила медицины XXI века в действии! Еще утром меня хотели забить камнями у колодца, а к вечеру принесли полтуши барана и чуть ли не в святые записали.

— Ну, насчет святой это он погорячился, — пробормотала я. — Обычный отек от аллергии на мед и орехи. Повезло, что лед в погребе нашелся и травы нужные под рукой оказались.

Всеслав подошел к лежанке, присел на край деревянного помоста — доски под его весом жалобно скрипнули — и посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Слова у тебя чудные, Забава, — тихо сказал он. — «Аллергия»… Никогда таких не слыхивал, хоть пол-Руси с дружиной объехал. И то, как ты мальца спасала — не было в том ни шепотка ведьмовского, ни бесовского заговора. Ум, руки твердые да знание. Откуда это в тебе, девица? Уж не бабка ли Агафья перед смертью научила?

Я замерла, лихорадочно соображая, что ответить. Не рассказывать же ему про медколледж, лекции по фармакогнозии и отравленное шампанское в загородном коттедже! Если я

скажу правду, меня либо примут за умалишенную, либо решат, что в тело сироты вселился злой дух — а с одержимыми в эти времена разговор короткий.

— Можно и так сказать, боярин, — осторожно произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Когда человек на пороге смерти стоит, как я у того дуба в лесу стояла, в голове многое проясняется. Будто чужая память открылась — то, что раньше видела да слышала, вдруг сложилось воедино. А по-другому я не умею. Вижу, что человек задыхается — значит, надо помочь.

Всеслав молчал несколько секунд, буравя меня взглядом, а затем медленно кивнул. Кажется, мое объяснение его вполне устроило — в мире, где по лесам бродят лешие и волколаки, «просветление разума на пороге смерти» звучало куда правдоподобнее, чем попадание из будущего.

Но тут воевода опустил взгляд ниже — на мой живот, прикрытый краем овчинного тулупа, — и его брови снова сдвинулись к переносице.

— А что насчет этого, Забава? — тихо спросил он. — В избе старосты, когда ты без памяти на руки мне упала… Твой живот светился. Изумрудным огнем. Все видели — и Мирон, и жена его, и дружинник мой Добрыня. Нечистой силы в тебе нет, я это нутром чую. Но дитя твое… Оно не простое.

У меня внутри все сжалось. Я положила ладонь поверх тулупа, на тугой, теплый бугорок. Ребенок внутри тут же отозвался мягким, едва ощутимым толчком, словно успокаивая меня.

— Я не знаю, кто его отец, Всеслав, — честно и тихо сказала я. — Клянусь всем, что у меня есть. Я не помню ту ночь. Но я чувствую его здесь, под сердцем. Он не злой. Он словно часть самого леса — живая, теплая, светлая. И когда ты взял меня на руки, он… он будто узнал тебя.

Всеслав вздрогнул. На долю секунды его суровая, непроницаемая маска треснула, и в серых глазах мелькнуло странное, почти растерянное смятение. Он медленно поднял широкую, покрытую шрамами и мозолями ладонь и, словно не вполне владея собой, осторожно коснулся моего живота поверх тулупа.

По телу мгновенно пробежала горячая, покалывающая волна. Там, где его пальцы соприкоснулись с тканью, снова вспыхнуло мягкое, уютное тепло — такое сильное, что у меня перехватило дыхание, а воевода тихо выдохнул, резко отдернув руку, будто обжегся.

— Чудно… — прошептал он, глядя на свою ладонь. — Старая рана в плече, что с прошлого похода ныла к непогоде, враз затихла, стоило тебя коснуться.

Он резко поднялся с лежанки, отошел к столу и плеснул в деревянную кружку воды из ведра, выпив ее залпом, словно пытался остудить внезапный жар.

— Вот что, Забава, — сказал он уже прежним, твердым командирским тоном, не оборачиваясь ко мне. — Я собирался завтра с утра выезжать обратно в город к князю. Серебро у старосты я изъял, виновных под стражу взял — к весне отправлю под суд. Но теперь… теперь я останусь в Воронцово на зиму.

Я удивленно приподнялась на локтях:

— Зачем, боярин? Разве у тебя в городе дел мало?

Всеслав обернулся. В тусклом свете лучины его глаза сверкнули сталью:

— Лес проснулся раньше срока, Забава. А за ним — старая граница с Навью. Раз Хозяин Леса оставил на тебе свою печать и даровал такое дитя, значит, грядет большая беда, о которой мы еще не ведаем. Да и народ здесь темный: сегодня они тебе в ноги кланяются за спасенного мальца, а завтра, если корова сдохнет или метель нагрянет, снова за вилы возьмутся. Я оставлю в селе полусотню дружинников. Ни одна собака без моего ведома к твоей избе не подойдет.

В груди разлилось такое непривычное, щемящее чувство защищенности, что к глазам едва не подступили слезы. За всю свою жизнь в XXI веке — ни от вечно занятых родителей, ни от предателя Димки — я ни разу не слышала такого простого и надежного мужского «я останусь и защищу».

— Спасибо, Всеслав, — тихо сказала я. — Только ты сам-то поел? Целый день на ногах, а на столе пусто.

Воевода хмыкнул, и в уголках его глаз собрались теплые морщинки, преобразившие суровое лицо:

— О себе не печалься, лекарка. Я тебе вон похлебку наваристую сварил, пока ты спала — из той баранины, что староста принес. В печи в чугунке томится. Давай-ка поднимайся, поешь горячего, тебе за двоих силы копить надобно.

— Ты… сам сварил? — переспросила я, не веря своим ушам. Грозный княжеский воевода, рубящий врагов мечом, стоял у русской печи и варил похлебку для беспризорной попаданки?

— А что такого? — пожал широкими плечами Всеслав. — В походах не только мечом махать учишься, но и кашу из топора варить. Вставай, стынет.

Пока я выбиралась из-под тулупа и с наслаждением ела горячую, пахнущую дымком и мясом похлебку, между нами окончательно растаял лед первого недоверия. Мы говорили вполголоса — о предстоящей зиме, о том, как утеплить избу, какие травы остались в запасах бабки Агафьи. Всеслав оказался не просто воякой, а умным, рассудительным человеком с тонким, сухим юмором, от которого я пару раз не сдержала искренний смех.

Когда он наконец ушел, пообещав утром прислать Добрыню с дровами и новым стеклом вместо лопнувшего бычьего пузыря, в избе стало как-то непривычно пусто и тихо. Я задвинула дубовый засов, подошла к окошку и посмотрела в темноту двора.

На краю поляны, в свете выглянувшей из-за туч луны, мелькнула знакомая огромная серая тень. Матерый волк-вожак снова пришел на свой ночной пост.

Я улыбнулась, чувствуя, как приятно ноет все тело от тепла и сытости. Жизнь налаживалась.

Но я не знала, что в это самое время на другом конце села, в богатой, жарко натопленной избе мачехи Василисы, горела свеча.

Василиса сидела за столом белая от ярости, сжимая в пухлых пальцах деревянную ложку так, что костяшки побелели. Напротив нее, злобно поджав пухлые губы, сидела сводная сестра Марфа.

— Видала, матушка?! — шипела Марфа, с ненавистью глядя в темное окно. — На руках ее воевода нес! Сам княжеский боярин перед этой оборванкой стелется! А староста-то, старый дурак, мешками ей добро потащил! Еще пара дней — и она здесь главной станет, а нас с тобой по миру пустит за то, что в лес ее спровадили!

— Не станет, — глухо, с ледяной злобой процедила Василиса, медленно поднимаясь из-за стола. Она подошла к старому кованому сундуку в углу, отперла тяжелый замок и достала со дна крошечный глиняный пузырек, запечатанный черным воском. — Бабка Агафья перед смертью не все травы в своей халупе оставила. Кое-что я у нее припрятала… От этого зелья ни одна лекарка не спасется — ни в городе, ни в чаще. Завтра же с утра пойдешь к ней, дочка. Повинишься со слезами, пирог свежий с малиной отнесешь. Пусть попирует напоследок… вместе со своим лесным выродком.

Глава 7

Утро выдалось ясным, морозным и по-настоящему рабочим. Я проснулась на рассвете с твердым намерением превратить эту покосившуюся халупу бабки Агафьи в жилье, пригодное для жизни человека XXI века — особенно беременного человека.

Первым делом я привела в порядок себя. Вчера вечером Всеслав принес короб с одеждой, и сейчас, развернув сверток, я невольно улыбнулась. Там нашлась мягкая, тонко выделанная нижняя сорочка, просторный теплый сарафан из добротного темно-зеленого сукна, плотные шерстяные чулки, удобные кожаные башмаки на толстой подошве и широкий пуховый платок. Вещи были сшиты словно по мне — с запасом на растущий живот. Умывшись теплой водой из чугунка, который простоял в остывающей печи всю ночь, я расчесала длинную светло-русую косу деревянным гребнем, заплела ее по-новому и впервые за эти безумные дни почувствовала себя не загнанной оборванкой, а нормальной девушкой.

Когда на пороге появился веселый дружинник Добрыня в сопровождении двух рослых парней с целой телегой дров, свежим слюдяным оконцем, мешком извести и связкой сушеного мха, я встретила их как настоящая хозяйка.

— Ого, Забава! — присвистнул Добрыня, снимая меховую шапку и оглядывая меня с искренним восхищением. — Да тебя и не узнать! Прямо боярыня! Воевода велел к обеду все щели проконопатить, оконце вставить, крыльцо поправить да дров наколоть до самой весны. Где укажешь складывать?

— Складывайте под навес, чтобы снегом не замело, — уверенно распорядилась я. — А оконце ставьте первым делом, а то сквозняк по полу гуляет.

Пока дружинники стучали топорами, заделывали щели между бревнами и вставляли нормальную раму вместо лопнувшего бычьего пузыря, я с головой ушла в хозяйство.

Внутри заговорил внутренний медик, помешанный на санитарии и гигиене. Первым делом я вымела из избы вековую пыль и мышиный помет, перемыла все лавки, стол и полки горячей водой с золой и отваром полыни — лучшим природным антисептиком этого мира. Затем добралась до старого глиняного бочонка для воды. Пить сырую воду из заброшенного колодца было смертельно опасно, поэтому я смастерила простейший, но рабочий фильтр: взяла глиняный кувшин без дна, набила его чистым речным песком, древесным углем из печи, проложила несколькими слоями прокаленной над огнем льняной ветоши и поставила над чистой кадкой. Теперь вода проходила двойную очистку, а перед питьем я все равно собиралась ее кипятить.

Дальше пришла очередь ревизии наследства бабки Агафьи.

На деревянных полках вдоль стен стояли десятки глиняных горшочков, берестяных туесков и холщовых мешочков с травами. Я перебирала их один за другим, растирая сухие листья в пальцах и принюхиваясь. Знания фармакогнозии из колледжа всплывали в памяти с поразительной четкостью: зверобой, душица, ромашка, тысячелистник, кора дуба, сушеная малина, мать-и-мачеха, багульник, чистотел… Но попадались и такие сборы, от которых у меня холодело на душе: белена, вороний глаз, болиголов, дурман. Бабка Агафья явно знала толк не только в лечении, но и в сильных ядах. Я тщательно отсортировала опасные травы, убрала их в самый дальний угол на верхнюю полку и подписала углем на бересте, чтобы случайно не перепутать.

К полудню изба преобразилась. Сквозь новое слюдяное оконце в горницу хлынул яркий дневной свет, в печи потрескивали сухие березовые поленья, на столе в чистом горшке томно дымилась пшенная каша с бараниной, а в воздухе пахло свежестью, хвоей и травами.

— Ну, хозяйка, принимай работу! — довольно сказал Добрыня, отирая пот со лба. — Теперь хоть мороз в сорок градусов ударит — в избе будет как в бане. Воевода к вечеру обещал заглянуть, проверить, как устроилась.

Проводив дружинников и отблагодарив их горячими лепешками, которые я успела испечь на скорую руку, я поняла, что мне не хватает свежих трав и брусничного листа для витаминного чая — беременность требовала железа и витаминов, а на одной каше далеко не уедешь.

Накинув теплый тулуп и намотав на голову пуховый платок, я взяла плетеную корзинку и вышла за калитку, направившись к самой кромке леса. Глубоко в чащу заходить я не собиралась — помнила предупреждение Всеслава, — но вдоль опушки, где солнце еще пригревало жухлую траву, вполне можно было набрать шиповника и брусники.

Но стоило мне сделать первый шаг под сень вековых сосен, как я почувствовала нечто странное.

Лес вокруг словно ожил. Ветер в верхушках деревьев стих, уступив место мягкому, почти ласковому шепоту. Ребенок внутри меня тихонько толкнулся, и по телу снова разлилось знакомое золотистое тепло. Я вдруг с удивительной, пугающей ясностью начала *чувствовать* каждую тропинку, каждый куст, каждое дерево в округе. Стоило мне подумать о шиповнике, как взгляд сам собой зацепился за яркие алые ягоды за старым валежником. Захотелось найти чагу для укрепляющего отвара — и через десять шагов я уперлась взглядом в огромный черный нарост на старой березе.

Лес не просто не трогал меня — он словно заботливо вел за руку, подсовывая все, что было нужно мне и малышу.

Увлекшись сбором ягод, я прошла чуть дальше вдоль заросшего оврага, где в тени густых елей торчали остатки старого, полуразрушенного каменного фундамента — видимо, здесь когда-то стояла прежняя землянка или молельня бабки Агафьи. Я наклонилась, чтобы срезать пучок позднего чабреца, и тут носок моего кожаного башмака ударился о что-то твердое, скрытое под толстым слоем опавшей хвои и мха.

Я присела на корточки и разгребла прелую листву руками.

Из земли торчал край небольшого дубового сундучка, обитого потемневшими от времени железными полосами. Замок на нем давно проржавел и рассыпался от легкого удара камнем.

Сердце тревожно застучало. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что вокруг ни души — только тихо покачиваются еловые лапы да в ветвях с любопытством попискивает синица, — я с усилием откинула тяжелую крышку сундука.

Внутри, завернутая в кусок промасленной вощеной кожи, лежала толстая книга в переплете из грубой, потемневшей телячьей кожи с тисненым знаком на обложке. Я посмотрела на этот знак — и у меня перехватило дыхание. Точно такой же узор — переплетение лесных ветвей и листа папоротника — сейчас светился золотом под кожей моего левого запястья!

Рядом с книгой лежал небольшой серебряный нож с костяной рукоятью и мешочек с крупными, переливающимися в полумраке самоцветами.

Я бережно достала книгу, развернула кожу и открыла первую страницу.

Пожелтевшие, плотные листы были исписаны ровным, старинным почерком — но не обычной славянской вязью, а какими-то странными, витиеватыми рунами, напоминающими переплетение корней и веток. По идее, я не должна была понять ни единой буквы. Но стоило мне коснуться страницы пальцами, как знак на моем запястье вспыхнул теплым светом, руны на бумаге тихо задрожали — и в ту же секунду сложились в ясные, понятные русские слова!

Я опустилась прямо на поваленный ствол дерева, прижав сундук к ногам, и жадно вчиталась в древние строки:

«Записано мною, ведуньей Агафьей, последней из рода Хранителей Пограничья, в лето седьмое от великого мороза. Знай, та, что откроет сию книгу с Печатью Хозяина на руке: не по воле случая ты пришла в этот мир и не по злобе людской осталась жива в чаще…»

У меня зашумело в ушах. Руки задрожали так, что страницы зашуршали. *Она знала! Бабка Агафья знала, что придет попаданка!*

Я перевернула лист, торопясь прочитать дальше, пока не стемнело:

«Раз в сто лет истончается грань меж Явью и темной Навью. И чтобы не прорвались в мир людей упыри, лихо да мертвые рати, Хозяин Леса должен обновить Древний Договор. Но не кровью и не жертвой держится мир, а новой жизнью — Дитем Пограничья, рожденным от чистой Искры Леса и сильной человеческой души, пришедшей из-за грани миров. Только такая мать сможет выносить наследника силы, не сгорев изнутри. Береги дитя, ибо на него уже открыли охоту слуги Черного Волхва, что жаждет сломать границу…»

Я сидела на холодном бревне, не в силах отвести взгляд от страниц. Все встало на свои места! Никакого насилия, никакого темного колдовства! Меня выдернуло из XXI века не случайно — моя душа оказалась тем самым сосудом, способным удержать магию этого мира и спасти его от катастрофы!

Внезапно со стороны моей избы донесся звонкий, заливистый девичий голос:

— Заба-а-авушка! Сестрица милая, ты где? Выходи, я тебе гостинец принесла!

Я вздрогнула, поспешно захлопнула книгу, спрятала ее вместе с серебряным ножом на дно корзинки, прикрыв сверху ветками шиповника и платком, и быстрым шагом вышла из леса на поляну.

У моего свежепочиненного крыльца стояла сводная сестра Марфа. На ней был нарядный красный сарафан и расшитый душегрей, на лице сияла приторно-сладкая, виноватая улыбка, а в руках она держала берестяное лукошко, накрытое чистым вышитым рушником, из-под которого тянуло сладким, соблазнительным запахом свежевыпеченного малинового пирога.

— Ой, вот ты где! — всплеснула руками Марфа, едва завидев меня, и тут же запричитала, картинно утирая сухие глаза уголком платка. — Прости нас, Забавушка, Христа ради прости! Бес попутал матушку и старосту, запугали нас совсем! Я всю ночь не спала, слезами обливалась, как узнала, что ты живая вернулась! Вот, пирог твой любимый испекла, с малиной, горяченький еще — поешь за ради мира меж нами!

Она протянула мне лукошко, глядя мне в глаза с такой фальшивой добротой, что у меня тут же заныло под ложечкой.

Слишком резко переобулась сестрица. Еще вчера плевала вслед и желала сдохнуть в лесу, а сегодня с утра пораньше прибежала с пирогом и слезами раскаяния. И тут мое обострившееся за время беременности чутье уловило сквозь сладкий, дурманящий аромат малины и сдобного теста едва заметную, горьковато-миндальную нотку — точно такой же запах исходил от того самого мешочка с ядовитым болиголовом, который я час назад убрала на верхнюю полку!

Мачеха с сестрицей решили не ждать, пока я расскажу воеводе всю правду об их делишках. Они пришли меня отравить.

Глава 8

Я смотрела на приторную улыбку Марфы и чувствовала, как внутри закипает злость. В XXI веке меня уже один раз опоили дрянью из красивого бокала — больше на эту удочку я не попадусь. Никогда.

— Ой, ну что же ты стоишь как неродная, Забавушка? — защебетала Марфа, делая шаг ближе и суя мне под нос лукошко. От приподнятого рушника повалил теплый, сладкий пар, но за запахом сдобы и малины отчетливо тянулся горький, мышиный душок болиголова. — Попробуй кусочек, пока не остыл! Матушка велела не возвращаться, пока ты не отведаешь да не простишь нас.

— Какая забота, сестрица, — мягко, почти ласково ответила я, стараясь, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. — Прямо слезы наворачиваются. Только знаешь, в лесу я от голода так отвыкла от сдобного, что боюсь, сразу животом скрутит. А вот ты с дороги, поди, проголодалась? Давай-ка отломи себе кусок первой, как хозяйка гостинца, а я за компанию с тобой чайку травяного заварю.

Улыбка на румяном лице Марфы мгновенно дернулась и пошла трещинами. В глазах мелькнула паника, но она тут же натянула на лицо обиженную гримасу:

— Да что ты, Забава! Я дома наелась до отвала, кусок в горло не лезет! Это же для тебя пекли, для твоего… ну, для дитяти твоего, чтоб силушки набирался! Ешь давай, не обижай!

— Не хочу, — отрезала я уже без всякой фальшивой вежливости. — Поставь на крыльцо, позже съем.

— Да как же позже?! Холодный пирог — не то! — Марфа вдруг потеряла самообладание, ее голос сорвался на визгливые нотки, так похожие на голос мачехи. Она схватила румяный кусок с края лукошка и буквально сунула его мне к самому рту: — На, откуси хоть крошку, гордячка!

Я резко отшатнулась и выбила кусок у нее из руки. Пирог шлепнулся прямо в утоптанную пыль у ступеней крыльца.

И в ту же секунду из-за угла избы выскочил старый, облезлый деревенский пес — хромой рыжий кобель, которого я утром подкормила остатками вчерашней баранины и который с тех пор решил, что теперь охраняет мой двор. Обрадовавшись упавшей с неба еде, пес жадно цапнул кусок пирога и проглотил его почти не жуя.

Марфа ахнула, прикрыв рот ладонью, и попятилась назад, глядя на собаку широко распахнутыми, испуганными глазами.

Прошло не больше минуты. Пес вдруг жалобно заскулил, зашатался на подгибающихся лапах, из пасти пошла густая белая пена, а задние ноги затряслись в мелкой, страшной судороге.

— Вот оно что… — тихо, ледяным голосом произнесла я, глядя на побелевшую сестрицу. — Болиголов, значит? Решили с мачехой концы в воду спрятать, пока я воеводе про ваши делишки все не выложила?

— Я… я ничего не знаю! — взвизгнула Марфа, бросая лукошко на землю. — Это пес бешеный! А ты ведьма, это ты его сглазила!

Она развернулась, собираясь броситься наутек по тропинке к селу, но не успела сделать и трех шагов. Из-за кустов орешника, перекрывая ей дорогу, вышли воевода Всеслав и Добрыня.

Видимо, воевода как раз шел проверить, как дружинники справились с ремонтом моей избы, и стал невольным свидетелем всей сцены. Лицо Всеслава в этот миг напоминало грозовую тучу: серые глаза потемнели до черноты, челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки.

— Стоять, девка! — прогремел он так, что Марфа с визгом рухнула на колени прямо в дорожную пыль. — Куда собралась?

Но мне сейчас было не до сестрицы. Пес у крыльца уже заваливался на бок, тяжело и прерывисто хрипя. Болиголов парализует дыхательный центр — если не промыть желудок и не дать сорбент в ближайшие пять минут, животное погибнет в муках.

— Добрыня! Воды из кадки, целый ковш, и щепотку соли из горшка на столе! Живо! — крикнула я, падая на колени рядом с бьющимся в судорогах псом.

Дружинник пулей влетел в избу и через миг выскочил обратно с деревянным ковшом соленой воды и куском древесного угля, который я сама прихватила с печного шестка. Я разжала челюсти собаки, влила ей в пасть соляной раствор, надавила на корень языка, вызывая рвоту, а затем, растолокши уголь в ладони и смешав с водой, залила следом.

Всеслав стоял рядом, не сводя глаз с моих быстрых, уверенных движений, а затем медленно перевел тяжелый, уничтожающий взгляд на трясущуюся от ужаса Марфу и рассыпанный у крыльца малиновый пирог.

— Значит, гостинец сестрице принесла? — тихо, с ледяной угрозой переспросил воевода, наклоняясь над Марфой. — От всей души пекла?

— Боярин… свет-воевода… пощади! — заголосила Марфа, размазывая по щекам грязные слезы. — Не виноватая я! Это все матушка! Она пузырек достала, она велела отнести! Говорила, ежели Забавка не помрет, так нас обеих в острог упекут за то серебро! Пощади, ради Христа!

Всеслав выпрямился, с отвращением глядя на плачущую девку, и коротко бросил дружиннику:

— Добрыня, бери эту змею и ступай на двор к Василисе. Обеих под замок в амбар до утра. Завтра при всем селе судить будем за покушение на убийство. А пирог этот забери — вещественным доказательством пойдет.

— Слушаюсь, воевода! — Добрыня без церемоний подхватил упирающуюся, воющую Марфу под локоть и потащил ее в сторону села.

Когда их шаги стихли, на поляне снова воцарилась тишина. Рыжий пес, отплевавшись и тяжело дыша, все-таки поднялся на дрожащие лапы, благодарно лизнул мою испачканную углем руку и поковылял под крыльцо — отлеживаться. Жить будет.

Я выдохнула, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, и только тут заметила, что Всеслав стоит совсем рядом и смотрит на меня с каким-то новым, странным выражением — смесью восхищения, тревоги и чего-то еще, от чего у меня внутри вдруг сладко екнуло сердце.

— И пса спасла, и себя уберегла, — негромко произнес воевода, протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. Его ладонь была широкой, горячей и невероятно надежной. — Удивительная ты женщина, Забава. Иная бы на твоем месте в слезы ударилась али в драку полезла, а ты холодным умом врага переиграла.

— Просто в моих краях, боярин, быстро учишься никому не верить на слово, — тихо ответила я, опираясь на его руку и поднимаясь с колен. — Пойдем в избу, Всеслав. Руки вымою да ужином тебя накормлю. Ты ведь наверняка с утра во рту маковой росинки не держал.

Воевода на миг заколебался, но, глянув на мое усталое лицо, коротко кивнул:

— Пойдем, лекарка. От горячей похлебки не откажусь.

В избе было тепло, уютно и пахло свежеструганым деревом, травами и томленой кашей. Я вымыла руки над лоханью, накрыла на стол — выставила дымящийся горшок с пшенкой и бараниной, нарезала свежего хлеба, заварила ароматный чай из брусничного листа, шиповника и душицы.

Всеслав снял тяжелый меч, прислонив его к лавке, расстегнул ворот кафтана и сел за стол. Ел он с аппетитом, но степенно, с достоинством настоящего воина. А я сидела напротив,

подперев щеку ладонью, и впервые за все время пребывания в этом мире чувствовала удивительный, почти домашний покой.

— Вкусный чай, — заметил Всеслав, отпивая из глиняной кружки и с интересом принюхиваясь. — Никогда такого не пивал. Словно само лето в кружке заварили.

— Это чтобы силы быстрее восстанавливались, — улыбнулась я. — Тебе ведь, боярин, силы ох как понадобятся. Лес-то и впрямь неспокоен.

Улыбка медленно сползла с лица Всеслава. Он отставил кружку, посмотрел на меня долгим, серьезным взглядом и тихо спросил:

— Ты сегодня в лес ходила, Забава? Я видел шиповник свежий в корзине у порога.

Я замерла, не зная, стоит ли рассказывать ему о найденном дневнике бабки Агафьи. Слишком уж невероятной была правда. Но глядя в его честные, открытые серые глаза, я поняла: если нам предстоит пережить эту зиму и защитить ребенка, врать друг другу нельзя.

— Ходила, но недалеко, у самой опушки, — честно призналась я. — И нашла там старый сундук бабки Агафьи. А в нем — ее записи.

Я встала, достала из корзинки завернутую в вощеную кожу книгу и положила ее на стол перед воеводой.

Всеслав осторожно коснулся переплета, разглядывая тисненый знак папоротника, а затем открыл первую страницу. Он нахмурился, вглядываясь в витиеватые, непонятные символы:

— Древние руны волхвов… Я такие лишь на старых пограничных камнях видел, прочесть их никому из смертных не дано. А ты… ты смогла?

— Смогла, — тихо ответила я, показывая ему свое левое запястье, где под тонкой кожей мягко светился золотой узор. — Знак помог. И в этой книге сказано, что мой ребенок — Дитя Пограничья. Он рожден от чистой магии Леса, чтобы обновить Древний Договор и не пустить в мир людей темную Навь. И еще там сказано, что на него уже охотится Черный Волхв.

В избе повисла тяжелая, напряженная тишина. Всеслав долго смотрел на книгу, потом перевел взгляд на мой живот и наконец поднял глаза на меня. В них не было ни страха, ни отторжения — только глухая, каменная решимость.

— Значит, не зря я решил остаться в Воронцово, — глухо произнес он, накрывая мою лежащую на столе ладонь своей большой, горячей рукой. — И пусть хоть сам Черный Волхв со всей ратью мертвых явится — через мой порог он не переступит. Клянусь честью рода.

От прикосновения его ладони по моей руке вверх, к самому сердцу, пробежал обжигающий, сладкий ток. Пальцы Всеслава чуть сжались, не спеша отпускать мою руку. В полумраке избы, освещенной лишь отблесками огня из печи, его серые глаза вдруг стали удивительно теплыми, глубокими, притягивающими словно омут.

Я забыла, как дышать. Сердце заколотилось где-то в горле, щеки вспыхнули румянцем. На миг показалось, что между нами исчезли все границы — и чужой мир, и мое положение, и его суровый воинский долг. Всеслав подался чуть вперед, его взгляд опустился на мои губы…

И в ту же секунду за стенами избы, в самой глубине черного осеннего леса, раздался такой жуткий, леденящий душу вопль, что задрожали слюдяные стекла в оконце, а посыпавшаяся с потолка пыль закружилась в свете лучины.

Это не был вой волка или рев медведя. Звук напоминал скрежет ржавого железа о камень, смешанный с пронзительным, безумным женским хохотом и утробным рыком голодного зверя. От него стыла кровь в жилах и сводило судорогой затылок.

Всеслав вскочил из-за стола мгновенно, опрокинув лавку. В одно движение тяжелый меч оказался в его руке, обнаженная сталь хищно блеснула в отблесках печного огня.

— Лихо Одноглазое… — сквозь зубы процедил воевода, бледнея под загаром. — Проснулось, проклятое! И идет прямиком к селу! Запри дверь на все засовы, Забава, и носа не высовывай, что бы ни случилось!

Он рванул дверь настежь и выскочил в ночную темноту, на ходу криком поднимая своих дружинников по тревоге. А я осталась стоять посреди избы, прижимая руки к взволнованно толкнувшемуся животу и слушая, как из черной чащи с треском ломаемых деревьев надвигается нечто страшное и голодное.

Глава 9

Дверь за спиной Всеслава захлопнулась с глухим стуком. Я на автомате подлетела к порогу, задвинула тяжелый дубовый засов и прижалась лбом к шершавому дереву, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

За стенами избы творился настоящий ад.

Ночную тишину разорвал звонкий рог — это трубил в селе дозорный дружины. Следом залаяли собаки, где-то вдали заголосили перепуганные бабы, застучали тяжелые засовы. А со стороны черного леса, сотрясая саму землю, надвигался тяжелый, размеренный топот, сопровождаемый жутким треском ломаемых веток и тем самым леденящим душу скрежетом, от которого сводило зубы.

Я бросилась к слюдяному оконцу, прильнув к нему лицом.

Поляна перед моей избой утопала в холодном, призрачном лунном свете. Из-за крайних елей выбегали дружинники Всеслава — человек двадцать, с факелами в одной руке и обнаженными мечами в другой. Они спешно выстраивались в плотную цепь поперек тропы, ведущей к селу, заслоняя собой и первые дворы, и мою покосившуюся халупу.

— Щиты сомкнуть! Копья к бою! — громовой голос Всеслава перекрыл вой ветра и крики. — Огонь держать ближе! Тварь света боится!

Не успели воины сомкнуть ряды, как из густой тени вековых сосен вывалилось *оно*.

Я зажала рот руками, чтобы не закричать. Никакие страшные сказки из детства не могли подготовить к такому зрелищу.

Тварь была ростом с добрую избу — худая, костлявая, словно обтянутая грязной серой кожей поверх узловатых корней и сухих костей. Длинные, неестественно вывернутые руки заканчивались черными, кривыми когтями размером с серп. Вместо лица у чудовища вытянулась уродливая, безносая морда с огромной пастью, полной желтых клыков, а прямо посередине морщинистого лба горел один-единственный, огромный, налитый кровавой злобой глаз.

Лихо Одноглазое. Порождение темной Нави, питающееся людским страхом и горем.

Тварь издала пронзительный, оглушительный визг и с пугающей для такой громадины скоростью ринулась на строй дружинников.

— Держать строй! — рявкнул Всеслав, первым встречая удар.

Тяжелый меч воеводы сверкнул в свете факелов, с гулким звоном отбивая чудовищный коготь, метивший ему в голову. Искры посыпались веером. Двое дружинников с боков ударили копьями в бок твари, но наконечники лишь скользнули по жесткой, словно дубовая кора, шкуре, оставив лишь неглубокие царапины, из которых брызнула густая, черная, дымящаяся жижа.

Лихо взревело от ярости и наотмашь ударило когтистой лапой. Трое воинов отлетели в сторону, как тряпичные куклы, с глухим стоном рухнув в жухлую траву. Цепь дрогнула. Чудовище шагнуло вперед, занося обе лапы над Добрыней, который едва успел прикрыться деревянным щитом.

Я поняла, что если буду просто стоять у окна и дрожать, тварь перебьет их всех за десять минут, а потом разнесет мою избу в щепки. Обычное железо ее почти не берет. Нужен огонь. Много огня!

В голове мгновенно щелкнула формула из школьного курса химии и выживания. *Смола, масло, крепкий алкоголь или сера, ветошь.*

Я заметалась по избе, словно ошпаренная. В углу у печи стоял большой глиняный кувшин с льняным маслом, которое бабка Агафья держала для лампад и растирок. На полке рядом лежал туесок с чистой сосновой живицей — густой, тягучей смолой, которую старуха собирала

для лечебных мазей. А в сундуке у лежанки я утром видела пузатую оплетенную бутыль с крепким хлебным первачом!

Руки работали быстрее мыслей. Я схватила три пустых глиняных горшка с узким горлом, плеснула в каждый густого первача, добавила растопленной у печи смолы и щедро залила льняным маслом. Взболтала. Затем разорвала старый холщовый рушник на широкие полосы, пропитала их тем же маслом и плотно заткнула горлышки, оставив длинные хвосты ткани снаружи.

Коктейль Молотова образца Древней Руси готов.

— Сиди тихо, малыш, — прошептала я, прижимая ладонь к тугому, горячему животу. — Мама быстро. Надо наших выручать.

Ребенок внутри вдруг ответил не просто толчком — по всему моему телу от кончиков пальцев до макушки прокатилась мощная, обжигающая волна золотистого света. Страх исчез мгновенно. Вместо него пришло удивительное, звериное чутье и абсолютная ясность.

Я подхватила корзину с тремя горшками, сунула в огонь печи лучину, чтобы вспыхнула, рывком отодвинула засов и выскочила на крыльцо.

На поляне кипела отчаянная, страшная сеча. Дружинники с трудом сдерживали натиск чудовища. Двое факельщиков лежали на земле, оставшиеся факелы погасли в свалке, и теперь бой шел в призрачном лунном свете. Всеслав бился в самой гуще, прикрывая раненого Добрыню. Его меч то и дело вспыхивал серебром, отсекая твари когти, но Лихо словно не чувствовало боли — оно теснило воеводу к самой кромке оврага, зажимая в угол.

— Всеслав! В сторону! — закричала я во весь голос, поджигая от пылающей лучины тряпичный фитиль первого горшка.

Воевода на долю секунды обернулся. Увидев меня на крыльце с горящим сосудом в руках, он побелел и рявкнул:

— Назад в избу, дура! Убьет!

Но я уже размахнулась и со всей силы швырнула тяжелый глиняный горшок прямо под ноги чудовищу.

Глина с треском разлетелась о камни. В ту же секунду оглушительно хлопнуло, и из-под когтистых лап Лиха взметнулся высокий, ревущий столб ярко-оранжевого пламени! Горящая смесь масла и смолы мгновенно растеклась по сухой траве и прилипла к корявым, похожим на сухие ветки ногам твари.

Лихо издало такой пронзительный, дикий визг, что у меня заложило уши. Огня порождение Нави боялось пуще смерти! Оно заметалось на месте, пытаясь сбить пламя лапами, но от этого смола лишь сильнее разгоралась, охватывая его серую, костлявую тушу.

— Еще! Жги его, братцы! — крикнул Всеслав, мгновенно оценив мой маневр.

Я подожгла второй горшок и метнула его прямо в грудь ревущему чудовищу. Удар пришелся точно в цель. Глина раскололась, огненная волна окатила тварь с головы до ног, превратив ее в живой пылающий факел.

Ослепленное огнем и болью, Лихо в бешенстве рванулось вперед — прямо на Всеслава, который стоял ближе всех, прикрывая отход раненых бойцов.

— Берегись! — вырвался у меня отчаянный крик.

Всеслав успел уйти с линии удара, глубоко вогнав свой тяжелый меч в грудь горящему чудовищу, но в последний миг, уже падая на землю, Лихо судорожно дернуло уцелевшей лапой. Черный, кривой коготь с жутким скрежетом полоснул воеводу по левому плечу, разрывая кольчугу, плотный кафтан и кожу.

Всеслав глухо охнул, рухнув на одно колено, но не выпустил рукоять меча, проворачивая клинок в груди твари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.